

Годы студенчества.

(1870—1874).

ГЛАВА I.

Мое назначеніе и пріѣздъ въ академію. Пріемные экзамены. Знакомство со старшими студентами и „генеральная“.

По окончаніи курса въ московской семинаріи въ 1870 году, я, вмѣстѣ съ тремя своими товарищами¹⁾, былъ назначенъ къ поступленію въ московскую духовную академію, куда во второй половинѣ августа всѣ мы должны были явиться, чтобы держать повѣрочный пріемный экзаменъ по догматическому богословію, церковной исторіи, логикѣ и одному изъ древнихъ языковъ. Мысль объ этомъ предстоящемъ испытаніи, конечно, въ значительной степени отравила мнѣ всю наступившую вакацію, не малую часть которой пришлось употребить на освященіе и нѣкоторое, по возможности, расширеніе своихъ семинарскихъ познаній по указаннымъ предметамъ. Предъ самымъ отъѣздомъ въ академію намъ было предписано явиться на предварительное медицинское освидѣтельствованіе къ семинарскому врачу, которымъ былъ тогда почтенный В. И. Рахмановъ, много лѣтъ состоявшій врачомъ митрополита Филарета. Вотъ съ этимъ освидѣтствованіемъ случился у меня нѣкоторый курьезъ, причинившій мнѣ большую тревогу. Выйдя изъ дома почему-то съ опозданіемъ, я долженъ былъ очень торопиться, чтобы поспѣть къ часу, назначенному докторомъ для нашего осмотра, а путь отъ Покровки, гдѣ былъ домъ моего отца, до Каретнаго ряда, гдѣ находилась семинарія, требовалъ до сорока

¹⁾ П. М. Аюостольскій, К. Д. Иропольскій и А. Я. Зеведесвъ.

минуть хорошаго хода. Промѣривъ форсированнымъ маршемъ это весьма приличное разстояніе, я, запыхавшись, вошелъ въ квартиру доктора и почти тотчасъ-же попалъ на осмотръ. Послѣ довольно продолжительнаго и, повидимому, внимательнаго изслѣдованія, сопровождавшагося подробными разспросами, докторъ заявилъ мнѣ, что онъ не признаетъ возможнымъ для меня поступленіе въ академію, такъ какъ мое сердце не въ порядкѣ и слышны въ немъ сильныя перебои. Выслушавъ этотъ неожиданный приговоръ, я, конечно, тотчасъ-же понялъ, что произошло недоразумѣніе, такъ какъ никакихъ признаковъ сердечнаго недуга у меня дотолѣ не было и ни отъ одного изъ пользовавшихся меня врачей я не слыхалъ ничего подобнаго. Я постарался разъяснить это доктору, который послѣ моей усиленной просьбы согласился наконецъ, чтобы я еще разъ пришелъ къ нему часа черезъ два для вторичнаго осмотра. Отстоявъ всюнощную въ семинарской церкви, я снова явился къ доктору и на этотъ разъ все у меня оказалось въ порядкѣ. Съ той поры прошло теперь уже сорокъ пять лѣтъ, и на свое сердце я, слава Богу, никогда не имѣлъ случая пожаловаться за всѣ эти годы.

Къ вечеру 16-го августа вся наша компанія благополучно прибыла въ посадъ, переночевала въ лаврской гостинницѣ и на другой день, послѣ обѣдни и молебна въ Троицкомъ соборѣ, представилась о. ректору академіи, прот. А. В. Горскому, и исправлявшему въ то время должность инспектора профессору прот. Ф. А. Сергіевскому, по указанію котораго немедленно водворилась въ академіи, въ такъ называемомъ инспекторскомъ корпусѣ, гдѣ на время пріемныхъ экзаменовъ нѣсколько студенческихъ спальныхъ отведено было для помѣщенія всѣхъ, прибывшихъ на конкурсъ.

Первый день по пріѣздѣ въ академію не представлялъ для меня чего-либо такого, что навсегда врѣзалось-бы въ памяти особеннымъ интересомъ и силою полученныхъ впечатлѣній. такъ какъ посадъ и лавра, академія и ея знаменитый ректоръ — „папаша“ не были для меня полною новостію, какъ для многихъ другихъ, пріѣзжавшихъ въ академію изъ другихъ губерній. Какъ коренной москвичъ, я уже много разъ бывалъ въ Троицкой лаврѣ, ея скитахъ и Виноинъ, поклонялся ея святынямъ, знакомъ былъ съ ея достопримѣчательностями и строемъ ея внутренней жизни, а съ московскою

академіей соединяли меня даже близкія родственныя связи. Мой отецъ, — магистръ тринадцатаго курса московской академіи, двѣнадцать лѣтъ трудился въ ней въ качествѣ бакалавра по кафедрѣ археологіи и еврейскаго языка и, какъ человѣкъ семейный, жилъ на томъ академическомъ „казенномъ дворѣ“, гдѣ одновременно съ нимъ обитали и знаменитые столпы академіи: Ѳ. А. Голубинскій и П. С. Делицынъ. Этотъ „казенный дворъ“, — владѣніе академіи, — былъ моею родиной и здѣсь, — на академической землѣ, провелъ я первые годы жизни своей; но это было уже къ концу академической службы отца моего, который вскорѣ поступилъ на мѣсто священника въ Москвѣ и такимъ образомъ я покинулъ посадъ, будучи лишь трехлѣтнимъ младенцемъ. Само собою разумѣется, что объ этомъ періодѣ академической жизни никакихъ личныхъ воспоминаній у меня быть не могло, но въ послѣдующіе годы отъ отца и матери я слышалъ такъ много разсказовъ о патриархальныхъ порядкахъ, правахъ и отношеніяхъ профессорскаго кружка на „казенномъ дворѣ“ и вообще объ академіи, ея жизни и важнѣйшихъ дѣятеляхъ, что съ ранняго дѣтства московская академія представлялась мнѣ чѣмъ-то близкимъ и роднымъ. Да и прямыя родственныя связи мои съ академіей не прекратились послѣ переезда семьи нашей въ Москву. Десятки лѣтъ имя московской академіи неразрывно связано было съ именемъ Александра Васильевича Горскаго, а онъ былъ двоюроднымъ братомъ моего отца и ко всей нашей семьѣ стоялъ всегда въ самыхъ сердечныхъ родственныхъ отношеніяхъ. Позднѣе и родной братъ отца моего Николаѣй Кирилловичъ Соколовъ, впоследствии извѣстный профессоръ—канонистъ московскаго университета, учился и девять лѣтъ служилъ бакалавромъ московской академіи. Каждый годъ по нѣскольку разъ семья наша встрѣчала у себя и посѣщала въ академіи этихъ своихъ уважаемыхъ и искренно любимыхъ родственниковъ. Изъ лѣтъ своего дѣтства я прекрасно помню, съ какимъ удовольствіемъ гостилъ я по недѣлямъ у Николая Кирилловича въ его холостой квартирѣ бакалаврскаго корпуса, шумно бѣгалъ по академическимъ корридорамъ, выложеннымъ въ то время чугуными плитами, рѣзвился въ саду и забѣгалъ въ номера къ студентамъ, охотно отзываясь на ихъ ласковый призывъ. Какъ живая

встаетъ въ моей памяти величественная фигура Александра Васильевича съ большою, коротко-остриженной, головой и круглымъ, гладко-выбритымъ лицомъ, сіяющимъ милою улыбкой и невольно привлекавшимъ къ себѣ ласковымъ взглядомъ большихъ сѣрыхъ глазъ, привѣтливо смотрѣвшихъ изъ подъ густыхъ нависшихъ бровей. Въ длинномъ сюртукѣ, въ большомъ черномъ галстухѣ—платкѣ, обмотанномъ плотно вокругъ шеи, и нерѣдко съ сигарою въ рукѣ, Александръ Васильевичъ всегда съ рѣдкимъ радушіемъ и любовію принималъ нашу семью, а насъ—дѣтей не только кормилъ фруктами и разными сластями, но и старался занимать, раскрывая для просмотра какія-то громадныя книги академической бібліотеки съ великолѣпными раскрашенными рисунками. Уже будучи въ семинаріи, много разъ видѣлъ я Александра Васильевича протоіереемъ и ректоромъ академіи и помню, между прочимъ, какъ въ одну изъ нашихъ поѣздокъ къ Троицѣ вмѣстѣ съ матерью и братомъ, незадолго до моего поступленія въ академію, Александръ Васильевичъ съ радостнымъ умиленіемъ говорилъ намъ о совершившемся наконецъ устройствѣ въ академіи своей домашней церкви, распорядился отпереть ея двери и показывалъ намъ сіяющую новой позолотою дорожую обновку. Благодаря такому своему давнему знакомству съ лаврою и академіею, я, по пріѣздѣ на пріемный экзаменъ, не испыталъ, конечно, тѣхъ новыхъ и нерѣдко сильныхъ впечатлѣній, которыя выпали на долю впервые пріѣхавшимъ сюда моимъ иногороднымъ товарищамъ. Единственное, что теперь представляло для меня крупную новость,—это жизнь въ общежитіи, которой никогда дотолѣ мнѣ испытать не приходилось.

На пріемный экзаменъ собралось насъ до пятидесяти человекъ, при чемъ третью часть этого числа составляли москвичи изъ московской и вѣнанской семинарій. Вся эта бодрая молодежь, собравшаяся съ разныхъ концовъ — отъ Вологды до Тамбова и отъ Иркутска до Твери и тѣсно столпившаяся въ непріятельской обстановкѣ студенческихъ спальныхъ, очень быстро перезнакомилась между собою и совмѣстная жизнь наша потекла дружно, шумно и весело. Конечно, у каждаго изъ насъ подъ-часъ нѣсколько щемило на сердцѣ при мысли о томъ, что конкурсный экзаменъ можетъ окончиться для него печальнымъ результатомъ: но

молодость брала свое, а страхи и грустныя мысли отгонялись оживленною бесѣдой, нерѣдко переходившей въ горячій споръ, хорошей, хватавшей за душу пѣсней, или прогулкой съ товарищами по академическому и монастырскому саду при чудной, совсѣмъ лѣтней погодѣ, которая долго держалась тогда на наше ссчатъе. Съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю я эти прелестныя пѣсни. Сидишь или лежишь, бывало, на своей койкѣ съ тетрадкой или книгой для предстоящаго экзамена, и вдругъ въ сосѣдней комнатѣ грянетъ дружный хоръ:

Изъ страны, страны далекой,
 Съ Волги-матушки широкой,
 Ради сладкаго труда,
 Ради радости веселой,
 Собралися мы сюда.

Или несутся красивые дуэты и тріо:

Дай, добрый товарищъ, мнѣ руку твою
 И выйдемъ на берегъ морской,

или: Что такъ на небѣ свѣтло, а на сердцѣ—вдвое:

Солнце красное взошло, съ запада—другое.
 Вышла радость на крыльцо въ аломъ сарафанѣ,
 И горитъ ея лицо, какъ заря румяна.

Живя дотолѣ въ семьѣ, я почти совсѣмъ не слыхалъ нашихъ семинарскихъ пѣсень, а потому теперь заслушивался ими съ величайшимъ наслажденіемъ, книга валилась у меня изъ рукъ, и мысли мои далеко отъ нея уносились къ Волгѣ-матушкѣ широкой, или на берегъ морской. Лучшими пѣвцами въ нашемъ кружкѣ были: Д. И. Ивашовскій ¹⁾ и И. Н. Корсунскій ²⁾—тенора и еще одинъ тулякъ, кажется по фамилии Казанскій, обладавшій прекраснымъ басомъ, но, къ сожалѣнію, экзамена не выдержавшій и потому его пѣніемъ мы наслаждались только двѣ недѣли.

Экзаменаціонная страда наша началась тремя днями письменныхъ работъ, темы для которыхъ были даны ректоромъ

¹⁾ Скончался преподавателемъ Московской семинаріи.

²⁾ Скончался орд. профессоромъ Московской академіи.

прот. А. В. Горскимъ, проф. прот. Ф. А. Сергіевскимъ и проф. В. Д. Кудрявцевымъ-Платоновымъ. Первая изъ этихъ темъ требовала отъ насъ изъясненія словъ Апостола, что нынѣ „мы вѣрою ходимъ, а не видѣниемъ“ (2 Кор. V, 7); вторая—касалась, сколько помнится, вопроса о значеніи религиозныхъ обрядовъ, а третья формулировалась такъ: „прогрессъ научныхъ познаній находится-ли въ зависимости отъ нравственнаго состоянія чловѣка?“ Затѣмъ послѣдовало четыре устныхъ экзамена, при чемъ экзаменующіеся раздѣлены были по алфавитному порядку на три группы, и между экзаменами у каждой группы получались свободные промежутки дня по три, назначавшіеся для подготовки. По каждому изъ объявленныхъ для экзамена предметовъ испытаніе производила комиссія трехъ лицъ подъ предсѣдательствомъ о. ректора—по догматическому богословію, его помощника по церковно-историческому отдѣленію, проф. П. С. Казанскаго—по церковной исторіи, помощ. по богословскому отдѣленію, проф. В. Д. Кудрявцева-Платонова—по логикѣ и помощ. по церковно-практическому отдѣленію, проф. Е. В. Амфитеатрова—по греческому языку. Ходъ самыхъ экзаменовъ не представлялъ собою ничего особеннаго сравнительно съ тѣмъ, къ чему мы привыкли въ семинаріи. Помню только, какъ среди москвичей возбудило нѣкоторое безпокойство то обстоятельство, что программа догматическаго богословія, употреблявшаяся при экзаменѣ о. ректоромъ, составлена была примѣнительно къ учебнику арх. Антонія, а въ нашей семинаріи этотъ предметъ проходилъ по учебнику арх. Макарія. Благодаря этому несоотвѣтствію случилось, что одному изъ москвичей достался вопросъ объ иконопочитаіи, который въ учебникѣ Макарія отсутствуетъ, и потому экзаменующійся приведенъ былъ въ большое смущеніе, не имѣвшее впрочемъ для него никакихъ печальныхъ послѣдствій, когда разъяснилась его истинная причина. За то на экзаменѣ по логикѣ произошло нѣчто обратное. Въ нашей семинаріи преподавателемъ этого предмета былъ получившій въ послѣдствіи большую извѣстность какъ выдающійся философъ. М. И. Каринскій, составившій для насъ свои краткія записки, по которымъ мы и проходили курсъ логики въ семинаріи. Теперь, при академическомъ экзаменѣ, оказалось, что воспитанники другихъ семинарій, изучавшіе логику по печат-

нымъ, иногда внушительныхъ размѣровъ, учебникамъ, не были въ состояніи дать отвѣтъ на нѣкоторые, предлагавшіеся экзаменаторами, вопросы, а въ нашей маленькой рукописной тетрадкѣ на всѣ эти вопросы можно было найти точный и ясный отвѣтъ.—Окончились экзамены и съ тревогой стали мы ожидать извѣстія объ ихъ результатѣ. Конечно, не для всѣхъ онъ оказался благопріятнымъ, такъ какъ достойными приѣма въ академію совѣтъ призналъ только 41-го человѣка, остальнымъ же пришлось собирать свои пожитки и съ грустью отправляться на столь-же, быть можетъ, безуспѣшные поиски себѣ другого жизненнаго пути. Для тѣхъ конкурентовъ, которые были присланы отъ семинарій съ нѣкоторымъ такимъ образомъ за нихъ ручательствомъ, долгомъ чести считалось не только поступить въ академію, но и поступить возможно лучше и тѣмъ поддерживать репутацію своей родной семинаріи. Для москвичей и виѣнцевъ на этотъ разъ было полное торжество: во главѣ списка принятыхъ въ академію стояли—Соколовъ Василиій изъ московской семинаріи и Соколовъ Александръ ¹⁾—изъ виѣнской.

Учебныя занятія обыкновенно начинались тогда съ 9-го сентября послѣ молебна предъ началомъ ученія, который совершался за литургіей въ праздникъ Рождества Пресв. Богородицы. Промежуточные дни между окончаніемъ приемныхъ экзаменовъ и началомъ занятій давались новымъ студентамъ на полный отдыхъ и свободу, при чемъ многіе изъ нихъ спѣшили воспользоваться этимъ временемъ для поѣздки въ Москву. Только къ 9-му числу сентября собирались въ академію и прежніе студенты, съ которыми, какъ съ старшими своими товарищами, новичкамъ предстояло теперь завести знакомство. Для установленія такого знакомства, по давнему обычаю, служила торжественная пирушка или выпивка, называвшаяся генеральною, въ отношеніе отъ малыхъ, устроявшихся небольшими компаніями по какимъ-либо частнымъ случаямъ. Руководителемъ неопытныхъ по этой части новичковъ обыкновенно являлся кто-либо изъ старшихъ студентовъ, любезно предлагавшій имъ свои совѣты и наставленія. Нашему курсу выпала на долю особенная удача: руко-

¹⁾ А. В. Соколовъ, кажется, на второй годъ пребывавія въ академіи

водителемъ явился у насъ даже не студентъ, а уже окончившій курсъ академіи нѣкто Филаретъ Дмитріевъ, родственникъ извѣстнаго Филарета, Архіепископа Черниговскаго, очень способный и милый человекъ, но по несчастной слабохарактерности зацутавшійся съ своимъ курсовымъ сочиненіемъ, для скорого будто бы окончанія котораго на тему о янсенизмѣ онъ и пользовался такъ долго гостепримствомъ академіи. Никакого сочиненія онъ, конечно, не написалъ, а игралъ съ нами въ шахматы, рассказывалъ анекдоты да принималъ горячее участіе въ устройствѣ генеральной. На деньги, собранныя со всѣхъ новичковъ, избранные распорядители закупили не очень, конечно, изысканное, но обильное угощеніе; при содѣйствіи академической прислуги разставили, разложили и вообще приготовили все нужное для пирушки въ чайной комнатѣ инспекторскаго корпуса и, въ качествѣ депутатовъ нашего курса, какъ хозяева встрѣчали приглашенныхъ ими заранѣе старшихъ студентовъ. На большихъ столахъ чайной компаты собиравшимся гостямъ были предложены: чай съ сухарями и печеньемъ, внушительная батарея бутылокъ съ водками, коньякомъ, наливками, виномъ и пивомъ, рядъ тарелокъ съ закусками—колбасами, сыромъ, кильками, сардинами, селедками и т. п.; арбузы, яблоки, пряники, конфекты и пр. Началось пированье. Пили и ѣли, оживленно болтали и спорили, чокались рюмками и стаканами, пѣли пѣсни, чѣмъ дальше тѣмъ менѣе стройно, а когда чувства разогрѣлись,—стали вскакивать на столы съ пламенными, хотя не всегда связными, рѣчами, обнимались и цѣловались съ новыми друзьями. Конечно, не обошлось безъ того, что нѣкоторыхъ, особенно расчувствовавшихся юношей пришлось благовременно убрать и водворить на ихъ койки, но никакихъ буйствъ и безобразій, къ счастью, не было и все закончилось вполне благополучно.

ГЛАВА II.

Помѣщеніе и обстановка студенческаго общежитія. Столовая и чайная.

Въ первые два года нашей академической жизни мы помѣшались въ инспекторскомъ корпусѣ, нижній этажъ котораго запятъ былъ такъ называемыми померами, т. е. жилыми комнатами студентовъ, гардеробной и чайной, а верхній—

профессорскими квартирами о. арх. Михаила и П. С. Казанскаго и нашими дортуарами. Съ переходомъ на 3-й и 4-й курсы мы должны были переселиться въ главный академическій корпусъ и затѣмъ въ бакалаврскій. По своей обстановкѣ и удобствамъ жизни студенческіе номера, въ какомъ-бы званіи не находились, были болѣе или менѣе одинаковы. Прочная и довольно массивная ясеневая мебель номеровъ состояла изъ продолговатыхъ четверугольныхъ столовъ съ выдвигными въ нихъ ящиками, стоявшихъ посреди комнаты, табуретовъ и стульевъ, дивана, гардеробовъ, стеклянныхъ шкафовъ для книгъ, также съ выдвинутыми ящиками, и конторокъ для желающихъ заниматься стоя. Освѣщеніе было свѣчами, при чемъ на двоихъ полагалась одна свѣча. Въ первое время свѣчи были сальныя, но затѣмъ ихъ замѣнили экономическими. Лишь очень немногіе изъ насъ выхлопотали себѣ разрѣшеніе завести свою небольшую керосиновую лампу, которая затѣмъ уже оправлялась и наливалась казеннымъ служителемъ. Заниматься въ номерахъ вообще было очень удобно, тѣмъ болѣе, что ихъ обитатели строго соблюдали, особенно въ часы занятій, тишину и порядокъ, не позволяя себѣ и другъ другу нарушать ихъ громкими разговорами или какимъ-либо шумомъ. Случаи безпорядковъ въ этомъ отношеніи были очень рѣдки и тотчасъ-же вызывали протестъ и принятіе должныхъ мѣръ противъ ихъ виновниковъ.—Форменной одежды въ наше время у студентовъ не было. Изготовление въ установленномъ количествѣ для студентовъ казенной одежды отдавалось съ подряда пріѣзжавшему изъ Москвы портному, съ которымъ можно было свободно вступать во всякія соглашенія и за нѣкоторую плату выбирать себѣ какіе угодно фасоны и матеріи, такъ что къ лѣтнему сезону, вмѣсто казенной черной сюртучной пары, студенты облекались въ визитки и пиджаки изъ свѣтлыхъ легкихъ матеріи, считая для себя обязательнымъ употребленіе чернаго сюртука лишь на экзаменахъ и вообще въ какихъ-либо официальныхъ случаяхъ. Въ качествѣ верхняго платья, въ послѣдній разъ шилась для нашего курса традиціонная студенческая шинель со стоячимъ воротникомъ и большимъ капюшономъ, изъ голубовато-сѣраго, довольно свѣтлаго сукна, похожаго на офицерское, на синей клѣтчатою фланелевою подкладкѣ только до пояса. Эта ши-

нель также не считалась обязательною и по желанію могла быть замѣнена пальто; но многимъ изъ насъ не захотѣлось разстаться съ этимъ оригинальнымъ академическимъ костюмомъ и мы выразили желаніе получить именно шинель. Намъ очень нравилось, водрузивъ себѣ на головы большія кастановыя шляпы съ широкими полями, задрапироваться въ свои шинели и разгуливать по лаврѣ и посадѣ въ видѣ какихъ-то оперныхъ бандитовъ.—Наша столовая помѣщалась подъ церковью, т. е. въ нижнемъ этажѣ главнаго корпуса, такъ что для обѣда и ужина намъ приходилось пройти почти половину академическаго сада. Вообще главное неудобство нашего обитанія въ инспекторскомъ корпусѣ состояло въ обиліи холодныхъ переходовъ, какіе намъ приходилось дѣлать по нѣскольку разъ въ день. Церковь, аудиторіи, библиотека, столовая—все это помѣщалось въ другихъ корпусахъ академіи, и въ холодное зимнее время необходимо было одѣваться во все теплое при каждомъ выходѣ изъ номера по какому-либо дѣлу. Мало того, даже внутри нашего корпуса нужно было миновать два холодныхъ перехода, чтобы пройти изъ номера въ чайную и спальную, или обратно, что, конечно, было очень непріятно и нерѣдко рискованно. Я лично поплатился за это въ первую же осень, схвативъ сильную жабу и пробывъ нѣсколько недѣль въ больницѣ. Столовая представляла собою большой квадратный залъ со сводами, довольно низкій и темноватый; но, какъ говоритъ пословица: не красна изба углами, а красна пирогами. Въ нашей не красной углами столовой кормили насъ очень хорошо. Никакихъ особенныхъ изысканностей въ блюдахъ, конечно, не было и быть не могло, но столъ вообще былъ сытный, изъ хорошихъ продуктовъ и даже достаточно разнообразный. Инспекторъ проф. С. К. Смирновъ, имѣвшій большую семью и потому хорошо знакомый съ хозяйствомъ, пытался иногда ввести въ студенческое расписаніе кушаній нѣкоторыя введенія съ претензіями на изящество, хотя его попытки и не всегда имѣли успѣхъ. Помню напр., что по его инициативѣ появился у насъ рассольникъ съ почками и, на мой взглядъ, это блюдо было приготовлено очень вкусно, но большинству студентовъ оно, къ сожалѣнію, не полюблилось и вскорѣ было отмѣнено. Расписаніе блюдъ на обѣды и ужины всей недѣли, составлявшееся вѣроятно экономомъ

и утверждавшееся инспекторомъ, обыкновенно висѣло въ рамкѣ за стекломъ на стѣнѣ столовой. По поводу этого расписанія не мало бывало смѣха среди студентовъ. Писалъ его обычно кто-то изъ нижнихъ чиновъ академической экономіи и въ его орфографіи встрѣчались подъ-часъ забавные курьезы. Тамъ мы читали напр.: „пирожки съ кишнецѣмъ“, „уха и зокуней“ и т. пд. Если студенты желали внести въ расписаніе какое-либо измѣненіе, или были недовольны чѣмъ-либо по столу, они могли заявить объ этомъ инспектору, который, если было возможно, принималъ надлежащія мѣры. Въ мелочахъ подобныя заявленія бывали, но какихъ-либо крупныхъ студенческихъ исторій на почвѣ недовольства столомъ за все время своего пребыванія въ академіи не припомню. Въ товарищеской средѣ нашей было, между прочимъ, замѣчено, что наибольшее количество претензій по части стола высказывалось не со стороны тѣхъ, которые были дѣтьми столичныхъ и губернскихъ городскихъ протоіереевъ и священниковъ и потому должны были, повидимому, быть болѣе избалованными; а, напротивъ,—со стороны сельскихъ выходцевъ изъ глухихъ провинцій. Должно быть, въ ихъ глуши, на своемъ сельскомъ хозяйствѣ, имъ по части желудка жилось привольнѣе. Что касается кулинарнаго искусства академическихъ поваровъ, то въ этомъ отношеніи верѣдко можно было пожелать нѣсколько лучшаго. Знаменитые „пирожки съ кишнецѣмъ“ приготовлялись напр. такъ, что ихъ можно было употреблять не иначе, какъ послѣ производства предварительнаго вскрытія, такъ какъ ягоды запекались цѣлыми вѣтками вмѣстѣ со стеблями. Въ особенно торжественныхъ случаяхъ, какъ напр. въ праздники Рождества Христова и Пасхи, на студенческомъ столѣ появлялась даже такая роскошь, какъ „ветчина съ горошкомъ“ и „жаркое гуся“. Вообще, нашъ академическій столъ можно было назвать очень хорошимъ. Въ послѣдующіе годы жизни своей, при встрѣчахъ и бесѣдахъ со многими питомцами академіи того времени, мнѣ всегда приходилось слышать, что они съ удовольствіемъ вспоминаютъ о томъ, какъ ихъ кормили въ академіи. Мало того,—и на себѣ самомъ и на многихъ изъ своихъ однокашниковъ я замѣчаю, что мы, занимая хорошее общественное положеніе и обладая вполне достаточными денежными средствами, во многомъ сохраняемъ тѣ вкусы,

которые выработались въ академіи, и особенно любимъ блюда, нравившіяся намъ нѣкогда въ студенческой столовой. Даже о висѣвшемъ въ нашей столовой расписаніи нѣкоторые изъ бывшихъ питомцевъ академіи сохраняли, повидимому, нѣжное воспоминаніе. Уже состоя на академической кафедрѣ, я нѣрѣдко бывалъ въ семейномъ кругу одного изъ своихъ сослуживцевъ и моего бывшаго наставника. На стѣнѣ его столовой неизмѣнно можно было видѣть въ рамкѣ подъ стекломъ расписаніе блюдъ на обѣды и ужины всей недѣли, представлявшее собою точное воспроизведеніе академическаго оригинала, только, конечно, съ иною орѳографіей. Наверху этого расписанія красовалась надпись: „Быть по сему“ и затѣмъ фамилія хозяина. Бывали впрочемъ времена, когда и въ нашей средѣ раздавались жалобы на нѣкоторую недостаточность питанія. Это обыкновенно случалось при продолжительныхъ постахъ, которые въ академіи, конечно, строго соблюдались. Большинство студентовъ старалось исполнить недоимку постныхъ обѣдовъ и ужиновъ, усиленно напирая на казенный хлѣбъ и покупая, по возможности, лишнюю булку къ чаю, а менѣе выносливые и болѣе требовательные устроялись съ гораздо большимъ комфортомъ. Составивъ небольшую компанію, они вступали въ сдѣлку съ поваромъ и въ условенное время получали отъ него мясное блюдо, которое потреблялось ими въ такъ называемыхъ „печурахъ“, т. е. въ комнатахъ, гдѣ обитала прислуга студенческихъ номеровъ. Безъ сомнѣнія, начальство наше прекрасно знало объ этомъ, но относилось снисходительно и какъ будто не замѣчало.

Относительно чая дѣло было поставлено такъ, что каждому студенту выдавалось ежемѣсячно деньгами по три рубля, которыхъ было вполне достаточно, чтобы имѣть каждый день чай, сахаръ, булку и, по желанію, молоко. Булочникъ и молочница обязательно являлись въ студенческія чайныя съ своимъ товаромъ. Натурою отъ академіи предоставлялась лишь горячая вода въ кубѣ въ установленные часы утромъ и вечеромъ. Ради пріятной бесѣды за стаканомъ чая, а также для удобства и экономіи, многіе изъ студентовъ соединялись въ небольшія компаніи, по два или по три человѣка, и сообща вели свое чайное хозяйство, при чемъ свою посуду послѣ cadaго употребленія убирали въ

особыхъ шкатулкахъ на полки помѣщавшагося въ чайной шкафа. Моимъ компаньономъ былъ давній товарищъ по училищу и семинаріи П. М. Апостольскій и мы, какъ дѣти достаточно обезпеченныхъ московскихъ священниковъ, пользовались всегда въ своемъ чайномъ хозяйствѣ немалымъ комфортомъ. У насъ постоянно водились и сдобные сухари, и печенье, и конфеты, и баночки варенья, заботливо изготовленнаго любящею рукой баловавшихъ насъ маменекъ. Мало того,—я даже привезъ изъ дома старинный кофейникъ, весьма быстро поспѣвавшій отъ горячихъ углей, которыхъ мы легко добывали себѣ изъ подъ казеннаго куба. За этимъ кофейникомъ мы часто подолгу пировали, угощая и своихъ пріятелей. Постоянное общеніе въ чайной и совмѣстная жизнь въ одномъ студенческомъ номерѣ особенно способствовали моему сближенію съ Апостольскимъ, скоро обратившемуся въ самую тѣсную дружбу; а эта дружба очень удивляла другихъ нашихъ москвичей-товарищей, которые за послѣдніе годы семинаріи привыкли считать насъ за постоянныхъ соперниковъ и чуть-ли не враговъ. По этому поводу я позволю себѣ привести здѣсь выдержку изъ рѣчи, произнесенной мною при гробѣ П. М. Апостольскаго 1-го марта 1879 года. „Не могу удержаться“, говорилъ я тогда, „чтобы не сказать и тебѣ, почившій, своего послѣдняго слова. Двѣнадцать лѣтъ мы провели съ тобою вмѣстѣ, какъ сотоварищи по школѣ, и тѣсная задушевная дружба была плодомъ этого долгаго товарищества. И тѣмъ знаменательнѣе, тѣмъ прочнѣе была эта дружба, что она выработалась почти изъ непріязни. Было время, когда мы часто ссорились съ тобою; но это было тогда, когда мы еще сами хорошенько не понимали и не сознавали своихъ собственныхъ требованій, когда наши мысли еще бродили, убѣжденія не сложились, и мы, съ свойственнымъ юношеству увлеченіемъ, часто пустое считали первостепеннымъ. Въ этихъ столкновеніяхъ мы, конечно, горячились, можетъ быть, не разъ и оскорбляли другъ друга; но все это было плодомъ лишь нашего неразумія и служило только къ тому, чтобы мы все ближе и ближе узнавали другъ друга. Прости же меня, дорогой другъ мой, еще разъ, какъ при жизни твоей мы давно уже простили другъ другу. Мы давно уже взаимно поняли и оцѣнили другъ друга, и до послѣднихъ дней твоей жизни наша дружба развивалась и укрѣпи-

лялась все болѣе и болѣе. Увы! Ей не суждено было быть долговременною!.. Одинъ Всевѣдущій Богъ былъ свидѣтелемъ нашихъ задушевныхъ бесѣдъ, нашихъ пылкихъ, юношескихъ мечтаній, которыми мы дѣлились съ тобою. Пусть же Его безконечная благодать, предъ Престоломъ Которой мы предстанемъ съ тобою на страшномъ судилищѣ, воздастъ тебѣ за все, за все!.. Теперь же, дорогой другъ мой, прими отъ меня увѣреніе, что въ моей благодарной, любящей памяти всегда запечатлѣлся неизгладимыми чертами твой свѣтлый дружескій образъ, что моя недостойная молитва всегда будетъ возноситься за тебя къ престолу Всевышняго...“ *)

ГЛАВА III.

Начало учебныхъ занятій. Курсы профессорскихъ лекцій.

Съ 1870—1871 учебнаго года въ жизни московской академіи начинался новый періодъ, такъ какъ съ этого года вводился въ дѣйствіе новый академическій уставъ, вносившій существенныя измѣненія не только въ порядокъ управленія академіей, но и въ постановку учебнаго дѣла, и нашъ курсъ являлся такимъ образомъ первымъ при полномъ примѣненіи этого устава. По новому порядку въ академіи учреждались отдѣленія — богословское, церковно-историческое и церковно-практическое, представлявшія собою нѣкоторое подобіе университетскихъ факультетовъ, а потому намъ было предложено предъ началомъ учебныхъ занятій записаться по желанію на то или другое изъ отдѣленій. Я избралъ церковно-историческое и совершенно неожиданно вызвалъ тѣмъ нѣкоторое неудовольствіе о. ректора Александра Васильевича. Самъ онъ по старинной традиціи въ качествѣ ректора принялъ на себя въ это время преподаваніе догматическаго богословія, которое было отнесено въ число факультетскихъ предметовъ богословскаго отдѣленія. Повидимому ему хотѣлось, чтобы я сталъ подъ его ближайшее руководство, былъ его слушателемъ и занимался предметомъ его каедры; а потому, когда я сказалъ ему о своемъ выборѣ церковно-исторической спеціальности, онъ сталъ мнѣ доказывать неосновательность моего выбора и отзывался при

*) Православное обозрѣніе, мартъ 1879.

этомъ о занятіяхъ церковною исторіей въ такихъ выраженіяхъ, которыя весьма удивили меня въ устахъ человѣка, десятки лѣтъ работавшаго въ области именно этой науки и ею стяжавшаго себѣ высокій ученый авторитетъ. Само собою разумѣется, что въ данномъ случаѣ съ его стороны была лишь мимолетная вспышка, не оказавшая затѣмъ ни малѣйшаго вліянія на его нѣжно-отеческія ко мнѣ отношенія. — Въѣстѣ съ распредѣленіемъ по отдѣленіямъ намъ еще предложено было избрать для изученія одинъ изъ древнихъ и одинъ изъ новыхъ языковъ. Я избралъ изъ древнихъ греческій, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что мое прежнее знакомство съ нимъ было болѣе слабымъ, сравнительно съ латинскимъ, и мнѣ хотѣлось теперь по возможности восполнить этотъ недостатокъ. По тому же соображенію изъ новыхъ языковъ я избралъ англійскій. До поступленія въ старшій классъ духовнаго училища я два года обучался въ извѣстномъ въ то время московскомъ пансіонѣ Луи Эппеса, гдѣ теоретическое и практическое изученіе французскаго и нѣмецкаго языковъ было, можно сказать, на первомъ планѣ. Почти всѣ предметы преподавались тамъ на иностранныхъ языкахъ, такъ что и на латинскомъ классѣ напр. насъ заставляли переводить Цезаря „de bello Gallico“ не на русскій, а на нѣмецкій языкъ. Благодаря этому, хотя и недолговременному, пребыванію въ пансіонѣ, я обладалъ уже довольно хорошимъ знаніемъ французскаго и нѣмецкаго языковъ, объ англійскомъ же не имѣлъ никакого понятія, а потому и рѣшилъ избрать для изученія теперь въ академіи именно этотъ языкъ.

Начались занятія. Студентамъ предстояло слушать лекціи по предметамъ двухъ категорій: общеобязательнымъ, предназначеннымъ для всего курса въ совокупности, и спеціальнымъ — для каждаго отдѣленія особо. Мы, студенты церковно-историческаго отдѣленія, за все время своего пребыванія въ академіи выслушали обще-обязательные курсы: Священнаго писанія ветхаго заветъа — доцента Н. А. Елеонскаго; Священнаго писанія новаго заветъа — ордина. профес. архимандрита Михаила; основнаго богословія — доц. П. Д. Петропавловскаго; метафизики — орд. проф. В. Д. Кудрявцева-Платонова; логики и исторіи философіи — экстр. проф. В. Н. Потапова; психологіи — экстр. проф. Ал. П. Смирнова; педа-

гогики — экстр. проф. П. И. Казанскаго и греческаго или латинскаго языка—орд. проф. С. К. Смирнова или доц. П. И. Цвѣткова; спеціальныя же курсы: библейской исторіи—доц. Ан. П. Смирнова; древней церковной исторіи — доц. А. П. Лебедева; новой церковной исторіи—экстр. проф. Д. Θ. Касицына; русской церковной исторіи — доц. Н. Θ. Каптерева; исторіи и обличенія русскаго раскола—орд. проф. Н. И. Субботина; древней гражданской исторіи—орд. проф. П. С. Казанскаго; новой гражданской исторіи—доц. Д. Д. Королькова и русскою гражданской исторіи — доц. В. О. Ключевскаго. Изъ числа этихъ нашихъ наставниковъ почти половина только-что начинали въ это время свою профессорскую дѣятельность. Причиною этого обстоятельства былъ новый академическій уставъ, со введеніемъ котораго открывалось нѣсколько новыхъ кафедръ. Предметы этихъ кафедръ или совсѣмъ доселѣ не читались въ академіи, или въ сокращенныхъ размѣрахъ входили доселѣ лишь какъ части въ составъ другихъ кафедръ, теперь же получали самостоятельное значеніе. Къ этой основной причинѣ присоединились впрочемъ и нѣкоторыя случайности. Такъ напр. во время нашего пребыванія въ академіи профессоръ русской церковной исторіи Е. Е. Голубинскій былъ въ ученой заграничной командировкѣ, а потому намъ не пришлось быть его слушателями, и чтеніе лекцій по этому предмету было временно поручено только-что окончившему академическій курсъ магистранту Н. Θ. Каптереву, который затѣмъ, по возвращеніи Е. Е. Голубинскаго, занялъ кафедру древней гражданской исторіи. Намъ приходилось быть свидѣтелями и самаго выбора на свободныя кафедры новыхъ преподавателей, которые при насъ подвергались установленному испытанію посредствомъ чтенія пробныхъ лекцій. Нельзя, конечно, сказать, чтобы такое обиліе начинающихъ наставниковъ было особенно выгоднымъ и полезнымъ для слушателей. По дѣйствовавшему тогда въ академіяхъ порядку на профессорскія кафедры поступали лучшіе питомцы академій большею частію прямо со студенческой скамьи, или же прослужившіе годъ-другой въ качествѣ преподавателей семинаріи. Въ томъ и другомъ случаѣ они вступали на кафедру безъ всякой предварительной спеціальной подготовки, часто совсѣмъ не предугадывая того предмета научныхъ занятій, который вынадалъ имъ на

долю, а иногда даже и не чувствуя къ нему особенной склонности. Такая постановка дѣла для начинающаго преподавателя была великимъ и тяжкимъ испытаніемъ. Безъ надлежащаго знакомства съ первоисточниками и литературой своего предмета, иногда не имѣя даже и опытнаго руководителя за отсутствіемъ въ данный моментъ специалиста, научная область котораго была бы близка къ предмету его каеэдры, начинающій преподаватель оказывался вполне предоставленнымъ самому себѣ и „безъ руля и безъ вѣтриль“ носился по научнымъ волнамъ, бросаясь отъ книжки къ книжкѣ и затрачивая подчасъ непроизводительно громадное количество энергии и труда. Проходили дѣльные годы напряженной работы прежде, чѣмъ онъ получалъ наконецъ возможность стать на правильный путь. Само собою разумѣется, что ради такихъ условій ожидать отъ начинающаго преподавателя зрѣло продуманнаго, основательно обслѣдованнаго и тщательно обработаннаго курса лекцій не было возможности, а потому и лекціи нашихъ молодыхъ наставниковъ не оставили въ насъ глубокаго слѣда, хотя почти всѣ они въ послѣдующіе годы приобрѣли себѣ хорошую репутацію, а нѣкоторые, какъ напр. А. П. Лебедевъ, Н. Ѳ. Каптеревъ и В. О. Ключевскій, даже извѣстное ученое имя. Что касается, впрочемъ, В. О. Ключевского, то онъ въ данномъ случаѣ находился въ особенныхъ, сравнительно со своими сотоварищами по академическимъ каеэдрамъ, исключительно благопріятныхъ для него условіяхъ. Не прямо со студенческой скамьи вступалъ онъ на каеэдру, а чрезъ шесть лѣтъ по окончаніи университетскаго курса, при чемъ въ эти годы, какъ оставленный при университетѣ, онъ уже специализировался на изученіи русской исторіи, четыре года читалъ лекціи по этому предмету въ Александровскомъ военномъ училищѣ, усердно работалъ надъ рукописями и уже привелъ къ концу свою знаменитую магистерскую диссертацию „Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ“. Не новичкомъ въ своемъ предметѣ, какъ его коллеги, вступалъ онъ такимъ образомъ на каеэдру, а въ значительной степени его хозяиномъ. Солидная подготовка и замѣчательный лекторскій талантъ Василія Осиповича, и тогда уже проявлявшійся съ полною силой, были причиною того, что молодой профессоръ сразу приобрѣлъ себѣ глубокое

уваженіе и симпатіи своихъ слушателей. Первый курсъ лекцій, прочитанный В. О.—чемъ въ академіи, не былъ обширенъ: онъ довелъ свое изложеніе лишь до половины XVI-го вѣка. Съ неослабввающимъ интересомъ прослушали мы этотъ курсъ талантливаго профессора и поражались его удивительнымъ умѣньемъ захватить вниманіе аудиторіи не только художественными характеристиками, какъ напр. Іоанна Грознаго, но и мастерскимъ изложеніемъ такихъ, повидимому сухихъ и скучныхъ предметовъ, какъ колонизація древней Руси, или измѣненія въ составѣ московскаго боярства XV и XVI вѣка.

Изъ числа профессоровъ средняго возраста, состоявшихъ на кафедрѣ лѣтъ по пяти и болѣе, пользовались на нашемъ курсѣ и отдѣленіи наибольшимъ вниманіемъ слушателей А. П. Смирновъ, читавшій психологію, и Д. О. Касицынъ—новую церковную исторію. Слушать нашего психолога было, впрочемъ, очень не легко. Его лекціи написаны были до крайности тяжелымъ и неуклюжимъ стилемъ съ непомѣрно длинными періодами и, повидимому, представляли собою недостаточно обработанный переводъ съ нѣмецкаго оригинала. Трудность усвоенія такого рода лекцій еще болѣе увеличивалась благодаря невозможной дикціи профессора. Появляясь на кафедрѣ часто въ болѣзненномъ состояніи, съ нервною дрожью въ голосѣ и движеніяхъ, онъ читалъ какъ будто прямо наперекоръ всякимъ правиламъ декламации: останавливался на половинѣ фразы, дѣлалъ ударенія, повышалъ и понижалъ голосъ совершенно не тамъ, гдѣ слѣдовало. Однако при всѣхъ этихъ крупныхъ недостаткахъ курсъ Александра Петровича по своему содержанію былъ такъ серьезенъ и интересенъ, что мы исправно посѣщали его аудиторію, а нѣкоторыя изъ его лекцій производили настолько сильное впечатлѣніе, что служили потомъ предметомъ немалыхъ разговоровъ въ нашей студенческой средѣ, какъ это было напр. послѣ чтеній о характерѣ и темпераментѣ. При концѣ учебнаго года, когда А. П. прочиталъ послѣднюю лекцію, студенты нашего курса выразили ему свою благодарность апплодисментами и словеснымъ заявленіемъ чрезъ особаго депутата.

Д. О. Касицынъ читалъ намъ исторію западной христіанской церкви и главнымъ образомъ реформаціи шестнадцатъ-

таго вѣка. Его лекціи были для насъ особенно интересны уже по тому одному, что ихъ содержаніе въ значительной степени представляло прелесть новизны, такъ какъ на семинарскихъ урокахъ обыкновенно очень мало и въ самыхъ бѣглыхъ чертахъ касались этого предмета. Чтобы еще болѣе привлечь вниманіе слушателей, Димитрій Ѳедоровичъ часто не прочь былъ иллюстрировать свои чтенія какими-либо пикантными подробностями и разными курьезами, заимствуя ихъ напр. изъ обильной подобнымъ матеріаломъ исторіи папства, или приводя любопытныя выдержки изъ „Похвалы глупости“ и „Писемъ темныхъ людей“. Можетъ быть именно такая склонность Д. Ѳ—ча иронически коснуться иногда даже и такихъ предметовъ, надъ которыми шутить не принято, создала ему репутацію человѣка, не чуждаго нѣкотораго вольномыслія. Въ студенческой средѣ за нимъ утвердилось даже прозвище „радикалъ“, хотя едва ли это прозвище можно признать подходящимъ къ человѣку, сотрудничавшему въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, а затѣмъ превратившемуся въ редактора „Душеполезнаго Чтенія“ и въ почетнаго престоіерея.

Изъ болѣе заслуженныхъ академическихъ профессоровъ мы слушали П. С. Казанскаго, С. К. Смирнова, В. Д. Кудрявцева-Платонова, Н. И. Субботина и арх. Михаила.

П. С. Казанскій читалъ намъ древнюю гражданскую исторію, при чемъ большую половину учебнаго года употребилъ на обзоръ исторіографіи. Лекціи Петра Симоновича не могли похвалиться ни интересомъ содержанія, ни живостію изложенія. Въ особенности его исторіографія нерѣдко представляла собою сухой библиографическій перечень, переполненный множествомъ хронологическихъ датъ, именъ писателей и заглавій написанныхъ ими произведеній. Такъ какъ громаднаго большинства этихъ произведеній мы никогда, конечно, не видали, то краткія о нихъ упоминанія оказывались пустымъ звукомъ, не оставлявшимъ никакого слѣда. Что касается яркихъ и мѣткихъ характеристикъ той или другого писателя или направленія, которыя могли бы отчетливо запечатлѣться въ памяти, то на такія характеристики Петръ Симоновичъ, при свойственной ему сухости и сжатости изложенія, мастеромъ не былъ. Трудность усвоенія преподававшегося намъ курса древней исторіи мы особенно сильно

почувствовали при концѣ перваго полугодія, когда на нашемъ отдѣленіи Пётръ Симоновичъ выступилъ единственнымъ исполнителемъ требованія новаго устава относительно репетицій и устроилъ намъ нѣчто въ родѣ экзамена, къ которому намъ пришлось не на шутку готовиться по собственнымъ записямъ на лекціяхъ и по книгѣ Петрова: „Новѣйшая національная исторіографія Англіи, Франціи и Германіи“.—Не будучи популярнымъ въ аудиторіи, Пётръ Симоновичъ пользовался однако среди студентовъ большимъ уваженіемъ. Мы уважали его и какъ ученаго, и какъ человѣка. Какъ ученый, онъ приобрѣлъ себѣ почетную извѣстность своими многочисленными изслѣдованіями по церковной и въ особенности по русской исторіи; а какъ человѣка мы хорошо знали его потому, что намъ немало приходилось обращаться къ нему по разнаго рода учебнымъ дѣламъ, какъ къ декану историческаго отдѣленія, и при такихъ съ нимъ сношеніяхъ мы всегда встрѣчали въ немъ человѣка безукоризненно-внимательнаго къ нашимъ нуждамъ и желаніямъ, но правдиваго до рѣзкости, требовательнаго и подчасъ неумолимо строгаго къ себѣ самому и ко всѣмъ другимъ, когда дѣло шло объ исполненіи служебнаго долга или религіозно-нравственныхъ обязанностей.

С. К. Смирновъ преподавалъ намъ греческій языкъ, при чемъ его уроки обычно раздѣлялись на двѣ половины: первую половину урочнаго часа онъ посвящалъ на чтеніе лекціи, а во вторую кто-либо изъ студентовъ, по его вызову, читалъ, разбиралъ и переводилъ отрывокъ избраннаго греческаго писателя и при этомъ Сергѣй Константиновичъ дѣлалъ не рѣдко интересныя разъясненія изъ области филологіи, исторіи и классическихъ древностей. Лекторъ С. К. былъ прекрасный. Возсѣдая на кафедрѣ съ необыкновенно-величественной осанкой, за которую студенты прозвали его Зевсомъ, онъ читалъ свои лекціи ясно, отчетливо, выразительно, мастерски отгнѣвая и подчеркивая смыслъ cadaго слова. Позволяя себѣ нерѣдко оживлять свое изложеніе остроумными выходками, самъ онъ въ то же время сохранялъ удивительную серьезность, и ни малѣйшей улыбки не появлялось на его лицѣ, хотя вся аудиторія покатывалась со смѣху. По содержанію лекціи С. К.—ча были для насъ очень интересны. Въ нихъ намъ сообщались свѣдѣнія изъ исторіи греческой

литературы, напр. о гимнахъ Орфея, о Гомерѣ, Пиндарѣ, Эсхилѣ, Софоклѣ, Платонѣ, Демосѳенѣ, Геродотѣ и т. д. Правда, эти свѣдѣнія были кратки и имѣли эпизодическій характеръ, но для многихъ изъ насъ представлялись цѣнными, такъ какъ въ семинаріяхъ исторія классической литературы не преподавалась. Въ особенности же интересною новинкой были для насъ чтенія С. К—ча о Рейхлиновскомъ и Эразмовскомъ произношеніи, о дорическомъ и іонійскомъ діалектахъ, объ особенностяхъ греческаго языка новозавѣтныхъ писаній и о языкѣ новогреческомъ.—Весьма своеобразной системы придерживался Сергѣй Константиновичъ на своихъ экзаменахъ. Приготовленіе изъ писчей бумаги билетовъ для производства экзамена онъ обязательно поручалъ самимъ студентамъ. При этомъ обыкновенно дѣлалось такъ, что весь курсъ, представлявшійся къ экзамену, раздѣлялся на нѣсколько отдѣловъ, и для каждаго отдѣла билеты готовились съ ясно замѣтными внѣшними отличительными признаками: одни были на бумагѣ съ клеймами, другіе были аккуратно разрѣзаны острымъ ножомъ, третьи—съ мохнатыми разорванными краями. Всѣ экзаменующіеся заранѣе полюбовно распредѣляли между собою отдѣлы курса, и каждыи студентъ готовилъ къ экзамену не весь курсъ, а только ту или другую часть его, и соотвѣтственно этому долженъ былъ брать на экзаменаціонномъ столѣ билетъ назначенной ему категоріи. Не всегда при этомъ дѣло обходилось безъ курьезовъ. На нашемъ курсѣ былъ напр. одинъ студентъ до крайности близорукой, и всѣ присутствующіе не могли удержаться отъ смѣха, когда онъ, уткнувшись носомъ въ самый столъ, тщательно разыскивалъ нужный ему билетъ съ обрѣзанными краями. То же самое продѣлывалось и при переводѣ, для котораго на нашемъ курсѣ назначено было нѣсколько отрывковъ изъ разныхъ авторовъ. „Переведите теперь что-нибудь.... ну, хоть изъ Гомера“, величественно провозглашалъ экзаменаторъ; а студентъ въ своей закрытой книгѣ давно уже держалъ палецъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ему нужно переводить. Для чего разыгрывалась вся эта комедія и кого при этомъ хотѣли обмануть,—неизвѣстно, такъ какъ настоящей смыслъ происходящаго прекрасно знали всѣ дѣйствующія лица, не исключая и ассистентовъ, которые сами прежде были учениками

Сергѣя Константиновича. Даже и мы, студенты, невольно чувствовали при этомъ вѣкоторую неловкость.

Профессоромъ философіи былъ у насъ В. Д. Кудрявцевъ-Платоновъ. Въ годы нашего студенчества онъ, какъ философъ, уже пользовался общепризнаннымъ высокимъ авторитетомъ; а вся московская академія, какъ профессорская корпорація, такъ и студенты, кромѣ того, относилась къ нему съ глубокимъ уваженіемъ, котораго онъ вполнѣ заслуживалъ, какъ человѣкъ искренно-религіозный, высоко-нравственный, въ высшей степени благородный, при всѣхъ своихъ достоинствахъ и преимуществахъ служебнаго положенія замѣчательно-скромный, кроткій и снисходительный ко всѣмъ окружающимъ. Преемникъ и продолжатель Ѡ. А. Голубинскаго, Викторъ Дмитріевичъ десятками лѣтъ неутомимаго труда выработалъ свою стройную философскую систему христіанскаго тензма, которая, будучи напечатана уже послѣ его кончины въ собраніи его сочиненій, стала теперь всеобщимъ достояніемъ. Эту именно систему, хотя и не въ полномъ видѣ, мы слушали на лекціяхъ изъ устъ ея автора, причемъ изъ напечатанныхъ сочиненій В. Д—ча у насъ былъ подъ руками лишь трудъ его „Объ источникѣ идеи Божества“. Лекціи В. Д—ча, написанныя изящнымъ литературнымъ языкомъ, отличались замѣчательною плавностію, ясностію и отчетливостію изложенія, раскрывая иногда повидимому весьма сложные и глубокіе философскіе предметы съ необыкновенною простотою и доступностію. Удѣляя не мало вниманія на критическій разборъ взглядовъ несогласныхъ съ нимъ мыслителей, Викторъ Дмитріевичъ пріятно удивлялъ насъ полнымъ отсутствіемъ полемическаго задора и замѣчательно-серьезнымъ и благороднымъ отношеніемъ къ своимъ противникамъ. При всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ лекціи В. Д—ча на большинство слушателей не производили того впечатлѣнія, какого можно было бы ожидать отъ нихъ, и причина этого заключалась въ способѣ ихъ произношенія. Чтеніе его, ясное и отчетливое, было вмѣстѣ съ тѣмъ до такой степени ровнымъ, безстрастнымъ и монотоннымъ, что какъ-то утомляло вниманіе слушателя и не давало мысли его никакого подъема. Отсюда получился, между прочимъ, такой результатъ, что при чтеніи печатной статьи В. Д—ча „Объ источникѣ идеи Божества“ мой

товарищи живо интересовались и даже увлекались ею, а прослушавъ ее раньше на лекціяхъ, почти совсѣмъ не замѣтили ея достоинствъ.

Очень большою популярностію пользовались на нашемъ отдѣленіи лекціи Н. И. Субботина, который читалъ намъ исторію раскола. Въ то время этотъ предметъ въ семинарской программѣ не имѣлъ, какъ теперь, самостоятельнаго значенія; но входилъ лишь составною частію въ исторію русской церкви, и на него, по крайней мѣрѣ въ московской семинаріи, обращалось очень мало вниманія. При ограниченности нашихъ познаній по исторіи раскола, лекціи такого знатока своего предмета, какимъ былъ Николай Ивановичъ, сообщавшія намъ массу совершенно новыхъ для насъ свѣдѣній, представляли глубокой интересъ. Въ живыхъ и характерныхъ картинахъ онъ подробно раскрывалъ предъ нами внутреннюю жизнь своеобразнаго раскольниковьяго міра, доводя свое изложеніе до самаго послѣдняго времени. Основательно знакомилъ насъ съ памятниками раскольниковьяго и противу-раскольниковьяго литературы, обильно подтверждая свои сужденія и вмѣстѣ оживляя изложеніе характерными выдержками. Лекціи Николая Ивановича написаны были легкимъ, изящнымъ языкомъ, а читалъ онъ ихъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. Усиленно работая надъ памятниками раскольниковьяго литературы и находясь въ постоянномъ живомъ общеніи съ представителями раскола, онъ такъ сроднился съ образомъ мыслей и способомъ выраженія этой среды, что выдержки изъ раскольниковьяго произведеній передавались имъ съ удивительнымъ мастерствомъ. Это было не просто хорошее выразительное чтеніе, а какъ будто спическая передача рѣчи какого-нибудь Андрея Деписова со всѣми особенностями его говора и интонаціями голоса. Даже на разные голоса говорилъ Николай Ивановичъ, когда ему приходилось передавать какіе-либо діалоги.

Священное писаніе Новаго Завѣта читалъ намъ о. архим. Михаилъ. Уже стяжавшій себѣ извѣстность, большой знатокъ своей спеціальности, онъ предлагалъ намъ интересныя лекціи изъ нѣсколькихъ отдѣловъ педагогики и экзегетики, составлявшихъ, конечно, лишь часть всей обширной программы его предмета. Но многимъ отдѣльнымъ вопросамъ онъ въ широкой степени знакомилъ насъ съ повѣйшими взгляда-

дами западно-европейской богословской науки, давая их основательный критический разбор. Съ наибольшимъ же интересомъ слушали мы его лекціи по экзегетикѣ, какъ напр. его изъясненіе евангельскаго повѣствованія объ искушеніи Господа въ пустынѣ. Произносилъ свои лекціи о. Михаилъ громко, ясно, отчетливо, выразительно, мастерскими ораторскими приёмами придавая своей рѣчи всѣ желательныя оттѣнки выраженія. Если въ чемъ можно было упрекнуть о. Михаила, какъ оратора, то только въ нѣкоторомъ многословіи. У него была напр. манера при началѣ каждой лекціи устанавливать ея связь съ предшествующей, и дѣлалъ онъ это не жалѣя ни словъ, ни времени, хотя часто и ссылался при этомъ на недостатокъ времени. Начиналъ онъ напр. свою лекцію обычно такъ: „въ прошедшій разъ мы сказали о томъ-то и томъ-то; затѣмъ, кратко коснувшись того-то и того-то и, сдѣлавъ нѣсколько небольшихъ попутныхъ замѣчаній о томъ-то и томъ-то, чтобы по возможности выяснитъ то-то и то-то, перешли къ подробному раскрытію того-то и того-то. Теперь намъ слѣдовало-бы остановиться на томъ-то и, раскрывъ то-то и то-то, чтобы выяснитъ и утвердить то-то и то-то, перейти къ тому-то и тому-то; но по недостатку времени мы вынуждены ограничиться лишь тѣмъ-то и тѣмъ-то, а потому, остановившись лишь кратко на томъ-то и томъ-то, перейдемъ прямо къ тому-то“ и т. д. Такимъ образомъ, при ссылкѣ на недостатокъ времени добрыхъ четверть часа тратилась на эту мало интересную и едва ли потребную интродукцію. Были у о. Михаила нѣкоторыя характерныя, излюбленныя имъ, фразы. Опровергая напр. какую-либо теорію, онъ нерѣдко съ особенною выразительностію восклицалъ: „странно, даже болѣе чѣмъ странно, чтобы не сказать рѣзче!“ Эту фразу студенты, конечно, подхватили, и въ ихъ домашнихъ разговорахъ и спорахъ часто можно было слышать: „странно, даже болѣе чѣмъ странно, чтобы не сказать рѣзче!“

Кромѣ предметовъ общеобязательныхъ и специальныхъ, была у насъ еще кафедра, слушать лекціи по которой желающіе могли записываться добровольно, и по которой экзаменовъ не производилось. Это была естественно-научная апологетика, которую мы въ шутку называли химическимъ богословіемъ. Такая кафедра существовала только въ москов-

ской академіи и имѣла случайное происхожденіе. Новымъ уставомъ 1869-го года, между прочимъ, уничтожалась существовавшая дотолѣ въ академіи каѳедра физико-математическихъ наукъ, и ея представителю, орд. профессору Д. Ѳ. Голубинскому, было предложено избрать себѣ какую-либо другую каѳедру изъ числа тѣхъ, которыя вновь открывались со введеніемъ новаго устава. Димитрій Ѳедоровичъ былъ однако такъ преданъ своей наукѣ, что не желалъ промѣнять ее ни на какую другую, хотя по своимъ познаніямъ свободно могъ бы принять на себя преподаваніе напр. Священнаго писанія или латинскаго языка. Еще до утвержденія новаго устава, онъ особою докладною запиской пытался отстоять существованіе въ академіяхъ своей, предполагавшейся къ уничтоженію, физико-математической науки; а когда эта попытка не удалась, исходатайствовалъ у митрополита Иннокентія учрежденіе при нашей академіи, на средства московской митрополіи, сверхштатной каѳедры естественно-научной апологетики и сталъ преподавателемъ этой науки, превратившись такимъ образомъ въ профессора сверхштатнаго, не имѣющаго права голоса въ совѣтѣ, и съ жалованіемъ только 2,000 рублей, вмѣсто трехтысячнаго оклада, который ему слѣдовало по званію ординарнаго профессора. Эти свои личныя преимущества онъ, не задумываясь, принесъ въ жертву, лишь бы остаться вѣрнымъ любимой наукѣ. Новая каѳедра Д. Ѳ—ча имѣла своей задачей, сопоставляя истины Божественнаго откровенія съ данными естествознанія, утверждать на научныхъ основаніяхъ ту мысль, что изученіе природы есть путь къ Богопознанію. Но такъ какъ посильное осуществленіе такой задачи возможно лишь при условіи, что слушатели обладаютъ уже хотя нѣкоторыми, болѣе или менѣе достаточными, свѣдѣніями въ области естественныхъ наукъ; то Димитрій Ѳедоровичъ большую часть своихъ лекцій употреблялъ на систематическое изложеніе курса физики и начальныхъ основаній химіи и астрономіи, лишь въ краткихъ чертахъ примѣняя эти свѣдѣнія къ цѣлямъ апологіи. Лекціи Д. Ѳ—ча, интересныя по содержанію и сопровождавшіяся демонстраціей опытовъ, заблаговременно и тщательно подготовленныхъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ и глубокое уваженіе, которымъ пользовался почтенный профессоръ, какъ человекъ пламенной вѣры и рѣдкой высоты нравственныхъ

достоинствѣ, были причиною того, что слушать естественно-научную апологетику записывались всѣ студенты курса и аудиторія по этому предмету никогда не была малолюдною.— Въ октябрѣ 1894-го года наша академическая корпорація на товарищескомъ собраніи привѣтствовала Д. Ф.—ча по поводу исполнившагося сороколѣтія его профессорскаго служенія. Разбираясь какъ-то недавно въ своихъ бумагахъ, я нашелъ между прочимъ, запись той рѣчи, которая была произнесена мною тогда на этомъ собраніи. Обращаясь къ уважаемому юбиляру, я говорилъ: „Вы любите дѣлиться съ нами своими интересными и поучительными для насъ воспоминаніями, позвольте же и мнѣ начать свое слово подражаніемъ Вашему примѣру,—сдѣлать теперь маленькую экскурсію въ ту же область воспоминаній.

„Двадцать четыре года тому назадъ, въ одной изъ академическихъ аудиторій собрались мы, студенты перваго курса, и съ напряженнымъ интересомъ ожидали первой лекціи по только-что открытой тогда при нашей академіи, послѣ долгихъ и усиленныхъ хлопотъ, кафедрѣ естественно-научной апологетики. Оглично помню этотъ моментъ: съ радостно-оживленнымъ лицомъ быстро почти вбѣжали Вы на кафедру, стали на ней и, освѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, громко произнесли—„Слава Богу!“ Вотъ съ какихъ хорошихъ словъ началось у насъ преподаваніе новой наукѣ! Не знаю, какъ теперь, но въ прежнихъ семинаріяхъ преподаваніе естественныхъ наукъ находилось въ довольно печальномъ положеніи. Заучивали мы параграфы физики Гано, насколько можно было понять ихъ по приложеннымъ рисункамъ, и только. Никакихъ инструментовъ и опытовъ мы не видавали, и въ рукахъ нашего преподавателя табакерка была единственнымъ инструментомъ, на которомъ, для наглядности, давались всякія объясненія по всѣмъ отдѣламъ физики. Хорошо понимали мы этотъ пробѣлъ и душевно радовались, когда получили возможность расширить и утвердить свои скудные познанія, слушая Ваши тщательно обработанныя научно-обоснованныя лекціи, сопровождавшіяся невѣдомыми намъ дотолѣ интересными опытами. Могло вѣдь этого и не случиться, думалось намъ, а потому часто мы восклицали въ душѣ: Слава Богу, что случилось такъ!—Никто не заставлялъ и не заставляетъ студентовъ заниматься Вашей нау-

кой; она поставлена въ академической программѣ предметомъ не обязательнымъ, но неослабѣвающей и доселѣ интересъ студентовъ къ Вашимъ лекціямъ ясно показываетъ, что и послѣ насъ и донынѣ студенты думаютъ такъ же, какъ думали мы, и доселѣ готовы вмѣстѣ съ нами сказать: Слава Богу, что случилось такъ!

„Когда, при реформѣ 70-го года въ академіяхъ, поднятъ былъ вопросъ объ уничтоженіи каѳедры физики-математическихъ наукъ, Вы, многоуважаемый Димитрій Ѳеодоровичъ, употребляли всѣ усилія, чтобы отстоять ихъ существованіе въ академической программѣ, и, послѣ долгихъ усиленныхъ хлопотъ, при сочувственной поддержкѣ покойнаго Высокопр. митрополита Иннокентія, добились наконецъ того, что наука Ваша сохранилась только въ нашей академіи въ новой формѣ естественно-научной апологетики. Всѣ мы знаемъ, что, съ точки зрѣнія Вашихъ личныхъ выгодъ, Вы вышли изъ этой борьбы съ немалыми жертвами, и, да проститъ мнѣ Ваша скромность, всегда мы удивлялись и радовались на Ваше безкорыстіе, на Вашу самоотверженную преданность своей наукѣ. Говорятъ, нѣтъ худа безъ добра,—такъ было и въ этомъ случаѣ. Уничтоженіе естественныхъ наукъ въ академіи дало намъ возможность видѣть въ теченіи цѣлыхъ почти 25-ти лѣтъ рѣдкій и высоко-назидательный примѣръ такой любви къ наукѣ, которая не задумывается даже надъ большими личными жертвами. Не въ правѣ ли мы сказать: Слава Богу, что случилось такъ!

„Позвольте же мнѣ, какъ ученику и сослуживцу, сказать Вамъ сердечное спасибо и за то доброе слово, которымъ Вы возбудили и поддержали въ насъ вниманіе къ великой книгѣ природы, и за тотъ добрый примѣръ самоотверженной любви къ наукѣ, которымъ Вы поощряли насъ на нашемъ служеніи. Дай Богъ, чтобы это слово звучало съ каѳедры и этотъ примѣръ свѣтилъ въ академіи еще многая, многая лѣта!“

Я позволилъ себѣ привести здѣсь эту рѣчь потому, что она, хотя и юбилейная, заключаетъ въ себѣ только правду, съ которой согласится всякій, кто зналъ незабвеннаго Димитрія Ѳеодоровича.

Лекторомъ англійскаго языка приглашенъ былъ въ академію англичанинъ И. П. Смитъ, давно уже состоявшій въ

той же должности въ московскомъ университетѣ. Онъ преподавалъ намъ по имъ же самимъ изданному учебнику и по собственной своеобразной методѣ. Его учебникъ представлялъ собою курсъ англійской грамматики, изданный въ видѣ подстрочника, при чемъ на первой строкѣ излагались грамматическія правила на англійскомъ языкѣ, а внизу помѣщался ихъ подстрочный переводъ. Урокъ состоялъ обычно въ томъ, что мистеръ Смитъ медленно и отчетливо прочитывалъ намъ англійскую фразу учебника, а затѣмъ мы по очереди должны были повторять ее. Все вниманіе сосредоточивалось на произношеніи. Никакихъ устныхъ или письменныхъ упражненій по грамматикѣ не было; очевидно рассчитывалось, что эту грамматику мы должны усвоить при самомъ чтеніи учебника. Тягучая монотонность такихъ уроковъ и ихъ представлявшаяся на первый взглядъ малосмысленность производила на студентовъ нѣсколько удручающее впечатлѣніе, такъ что нѣкоторые изъ насъ вскорѣ прекратили совсѣмъ свои занятія по англійскому языку. Однако тѣ, у которыхъ хватило терпѣнія выдержать нѣсколько мѣсяцевъ испытанія, не имѣли основаній жаловаться на скудость полученныхъ результатовъ. Мы, по возможности, усвоили довольно приличное произношеніе и перешли къ переводу изъ хрестоматіи образцовъ англійской литературы. Самъ мистеръ Смитъ былъ очень милый и прекрасно образованный человекъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ порядочный оригиналъ. Владѣя гдѣ-то подъ Москвою небольшимъ имѣніемъ, онъ намъ нерѣдко рассказывалъ о разныхъ довольно курьезныхъ пріемахъ своего сельскаго хозяйства,—о томъ напр., какъ онъ сознательно, по соображеніямъ экономіи, купилъ себѣ лошадь на столько почтеннаго возраста, что она не была уже въ состояніи пережевывать зерна овса, и онъ приобрѣлъ особую машину, которая должна была приготавливать овесъ для употребленія престарѣлому буцефалу. Такъ какъ англійскимъ языкомъ на нашемъ курсѣ занимались всего три или четыре студента, то на урокахъ мы обыкновенно сидѣли на первой партѣ всѣ вмѣстѣ, а мистеръ Смитъ помѣщался противъ насъ на стулѣ, приставленномъ къ самой партѣ. Въ такомъ близкомъ, какъ будто семейномъ, кружкѣ нашъ наставникъ чувствовалъ себя совсѣмъ по домашнему. Во время нашего чтенія онъ напр., ни мало не стѣсняясь, вынималъ и вытиралъ

платкомъ свои вставные зубы, доставалъ изъ ушей и чистилъ какія-то, вкладывавшіяся туда, раковины, очевидно предназначенныя для улучшенія слуха, и только парикъ на его головѣ оставался неприкосновеннымъ. Прїѣзжая въ академію еженедѣльно изъ Москвы и не находя удобнымъ и выгоднымъ оставаться въ посадѣ до слѣдующаго дня съ почлегомъ въ гостинницѣ, мистеръ Смитъ вмѣстѣ съ лекторомъ нѣмецкаго языка получили разрѣшеніе давать всѣ свои уроки на трехъ курсахъ въ продолженіи одного дня. При такой постановкѣ дѣла наши лекторы, закончивъ всѣ свои дообѣденные урочные часы, обыкновенно располагались въ освободившейся профессорской комнатѣ за самоваромъ и привезенной съ собою закуской, ложились отдохнуть на диванахъ и затѣмъ давали еще урока по два вечеромъ уже при вечернемъ освѣщеніи. Когда мистеръ Смитъ въ первый разъ явился къ намъ на вечерній урокъ, на партѣ между нимъ и нами поставлены были два подсвѣчника съ употреблявшимися тогда въ академіи сальными свѣчами и тутъ же лежали желѣзные щипцы. Нашъ англичанинъ тотчасъ же обратилъ на щипцы свое вниманіе и попросилъ насъ разъяснить ему,—что это за инструментъ. Когда мы удовлетворили его любозпательность и показали ему способъ употребленія невиданнаго имъ дотолѣ инструмента, онъ такъ заинтересовался этимъ, что съ той поры на каждомъ вечернемъ урокѣ, аккуратнѣйшимъ образомъ, занимался свиваніемъ нагара то съ одной свѣчи, то съ другой, съ самымъ серьезнымъ, сосредоточеннымъ видомъ. При этихъ вечернихъ урокахъ, происходившихъ въ необычное внѣклассное время, случались иногда и нѣкоторые неожиданные сюрпризы. Былъ у насъ на должности класснаго служителя, котораго студенты называли почему-то „канцлеромъ“, отставной солдатъ Поликарпъ—большой противникъ трезвости. Одна изъ его главныхъ обязанностей состояла въ томъ, чтобы съ математической точностію бить звонки въ назначенное время при перемѣнахъ лекцій. Эта обязанность при вечернихъ англійскихъ урокахъ представлялась ему, повидимому, особенно тяжелой, такъ какъ заставляла его быть исправнымъ въ такое время, когда онъ по привычкѣ обычнаго порядка уже считалъ себя свободнымъ отъ канцлерскаго долга. Однажды какъ-то при концѣ англійскаго урока мы слышимъ.

что не звонить колокольчикъ, а раздаются беспорядочные удары въ какой-то тазъ или сковороду. Мы, конечно, тотчасъ же поняли, что нашъ канцлеръ куда-нибудь затерялъ свой колокольчикъ и, вѣрный своему долгу, постарался замѣнить его какимъ-то другимъ инструментомъ; но, оканчивая послѣднюю фразу перевода, нѣсколько замедлили свой выходъ изъ аудиторіи. Вдругъ съ шумомъ распаивается дверь и появившаяся въ ней, пошатываяющаяся фигура канцлера громко провозглашаетъ: „мусью! я вѣдь звонил!“ Мы всѣ расхохотались и не докончили своего перевода.—Эготъ Поликарпъ, не смотря на свою слабость, былъ долговременнымъ служакою при академіи и я помню его въ той же канцлерской должности, когда самъ былъ уже на профессорской кафедрѣ. Однажды, въ началѣ восьми-десятихъ годовъ, мнѣ привелось видѣть и слышать его даже въ роли музыкальнаго исполнителя. Студенты устроили тогда въ актовомъ залѣ академіи превосходный концертъ со множествомъ вокальныхъ, литературныхъ и музыкальных номеровъ, пригласивъ въ качествѣ публики профессоровъ и должностныхъ лицъ съ ихъ семействами и своихъ знакомыхъ. Главнымъ устройтеlemъ и талантливымъ дирижеромъ концерта былъ одинъ изъ студентовъ, обладавшій прекраснымъ теноромъ, рѣдкой силы и красоты, и производившій всегда своимъ чуднымъ пѣніемъ глубокое впечатлѣніе на богомольцевъ академическаго храма. Эготъ бывший студентъ, слава Богу, здравствуетъ доселѣ и съ честію подвизается въ высокомъ святительскомъ санѣ. Для какой-то шумной ніесы концерта потребовалось участіе барабана, и вотъ, въ числѣ артистовъ оказался нашъ канцлеръ Поликарпъ, который послѣ чрезвычайно гордился тѣмъ, что удостоился выступать на концертной эстрадѣ предъ господами — профессорами.

Е. А. Соколовъ.

(Продолженіе слѣдующей).
